

Норвилло Павел Викторович

Психологические критерии исторической
достоверности

Nova Totius
TERRARUM
ORBIS
TABULA
ex officina G. a Schagen
Amstelodami

16+

Павел Норвилло

**Психологические критерии
исторической достоверности**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Норвилло П. В.

Психологические критерии исторической достоверности /
П. В. Норвилло — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Психологию, как и историю, не принято считать «точными» науками, а кто-то даже берётся утверждать, что одна из этих дисциплин или они обе вовсе не являются научными. Тем не менее в этой небольшой статье автор предлагает читателям, интересующимся текущим состоянием и перспективами исторического знания, обсудить или, точнее, начать обсуждение вопроса о том, чем и как психологические наблюдения могут помочь в установлении достоверности исторических данных. Потому что без отделения твёрдо установленных фактов от сомнительных сведений, случайных ошибок и сознательных фальсификаций действительно трудно говорить о научности выводов, заявляемых любой наукой. Зато взаимодействие наук, как правило, даёт хорошие результаты и, помимо решения конкретной задачи, помогает обеим сторонам точнее настроить и откалибровать свой методический арсенал. Ради такого результата стоит загружать мозги.

В последнее время – и особенно в ходе прошумевшей и затихшей в конце 80-ых годов кампании по борьбе с “белыми пятнами” в российской истории – о непредсказуемости нашего прошлого и о вкладе в это явление политиков было сказано столько, что у людей, не знакомых близко с проблемами науки, вполне могло сложиться впечатление, будто главной и чуть ли не единственной причиной рождения и процветания исторических заблуждений является государственный заказ. Но вот идеологические оковы пали, темницы рухнули и на свободе – возможно, удивив и разочаровав кого-то – оказались отнюдь не ответы на хоть какие-нибудь вопросы, не какое-то действительное знание, а лишь вакуум знания, то есть те же самые вопросы, но только освобождённые от фиктивных ответов. Так что все, кто ещё сомневался, получили возможность воочию убедиться, что идеологические жандармы способны устеречь не знание, а лишь невежество, и что, шире говоря, государство может создавать более или менее благоприятные условия для научной деятельности, может на какое-то время совершенно остановить исследовательский процесс, но содержательно помочь учёному в деле установления истины не может ни государство, ни благорасположенные обыватели, а только другой учёный, да и то не всегда.

Итак, в отсутствие в жизни общества идеологических табу (где бы только найти такое общество?) от историков действительно *можно* ожидать большего, нежели в обстановке жёсткого преследования за отклонения от той или иной “линии”. Однако при любых характеристиках окружающей науку среды успешность решения собственно научных проблем будет зависеть прежде всего от того, кто и как берётся за эти проблемы, и лишь во вторую и третью очередь от всего остального. И не следует удивляться, если даже в сложной обстановке оригинально мыслящие исследователи будут добиваться лучших результатов, нежели их менее способные коллеги в условиях наибольшего благоприятствования.

Обращаясь же к современному состоянию исторического знания, приходится констатировать, что многие наши официальные историки и без всякого внешнего давления, как говорится, от чистого сердца готовы порассуждать, к примеру, о мудрости Ярослава Мудрого, пособничестве Орде и Литве Олега Рязанского, последствиях *победы* Великой российской революции, поведать немало других более или менее безвредных басен. Между тем люди, готовые пропагандировать заведомо ложные идеи, среди научных работников хотя и встречаются, но не столь часто. Большинство же исследователей не “для публики”, а в первую очередь для самих себя стремятся дважды и трижды убедиться в достоверности открывающихся им явлений, закономерностей, причинно-следственных связей и т. д. В связи с чем и встаёт вопрос: почему же берущиеся реставрировать картины прошлого исключительно за совесть и за личный интерес столь часто успокаиваются и прекращают работу, достигнув лишь стадии правдоподобия, и в этом состоянии оказываются равнодушными даже к прямым указаниям на то, что результат их трудов далёк от подлинника?

Кое-что тут, конечно, можно списать на специфику самой науки. Из-за недоступности объекта исторического исследования для прямого наблюдения и экспериментирования многих деталей давних и не очень давних событий нам действительно уже никогда не узнать, и многие фрагменты исторической картины уже не могут быть восстановлены во всех красках. Так что без домыслов и версий историкам никак не обойтись. Но всё же одно дело, когда учёный, вставляя в свою реконструкцию чисто умозрительные элементы, чётко оговаривает, где кончаются проверяемые факты и начинаются его личные соображения, и совсем другое, когда данные, претендующие на надёжность, что называется, не переводя дыхания подаются аудиторией вперемешку со сведениями, всего лишь не вызывающими сомнений у докладчика. Кое-что тут, конечно, можно списать на темперамент, степень научной добросовестности и другие чисто личностные особенности подвизающихся на ниве истории деятелей, но главная причина случаев массовых – а местами переходящих в практически универсальные – историче-

ских заблуждений всё-таки не в слабостях отдельных личностей. И уж тем более несерьёзно винить в собственной малограмотности объект изучения.

То, что в истории и по сей день под маркой самых что ни на есть подлинных данных продолжают бытовать пусть вполне добросовестные, но всё же заблуждения, удельный вес и степень грубости которых заметно превышают аналогичные показатели других наук, вызывается, на наш взгляд, прежде всего тем, что критерии, обычно применяемые историками для оценки достоверности своих и чужих выводов, являются недостаточно мощными и надёжными и, будучи приложены к подконтрольному материалу, не дают поводов для недоверия и сомнений там, где это необходимо. И в результате многократно воспроизводится ситуация, весьма сходная с той, что описал А. Франс в “Острове пингвинов”: “В том, что ..., никто ни минуты не сомневался; не сомневался потому, что полное незнание обстоятельств дела не допускало сомнений, ибо сомнение требует оснований. Можно верить без всякого основания, но нельзя сомневаться, не имея оснований. Не сомневались и потому, что повсюду об этом говорилось и что в глазах большинства повторять – значит доказывать”.

Но поистине нет худа без добра и, убедившись, что далеко не всей писаной истории можно верить, некоторые читатели этой истории, непременно желая знать, что и как “там” происходило, оставляют свои наблюдательные посты и впрягаются в нелёгкую лямку частного исторического сыска. Правда, несмотря на то, что уже те фрагменты разысканий историков-дилетантов, которые проникли в печать (и которые, судя по всему, составляют меньшую – и по объёму, и по именам – часть такого рода материалов), содержат немало важных и интересных наблюдений, штатные историки пока не очень-то спешат принять эту помощь. И всё же мы надеемся, что объединение усилий произойдёт и позволит быстрее и эффективнее получать ответы на имеющиеся вопросы, потому что именно люди, не закованные в броню официального исторического образования, оказываются способными усомниться там, где дипломированным специалистам всё ясно.

Более того, наряду с новыми подходами к, казалось бы, уже давно и всесторонне изученным событиям, выдвигаются – может быть, даже не всегда осознанно – новые дополнительные критерии, позволяющие оценивать уровень сомнительности/достоверности ещё только вводимых в научный оборот и уже давно бытующих в нём сведений и интерпретаций. Рассмотрим с этой точки зрения некоторые из примеров расхождения во взглядах между штатными и внештатными историками.

В послесловии к книге Ганса Баумана “Я шел с Ганнибалом” (М., Детская литература, 1983) доктор истории И. Ш. Шифман так резюмирует официальную точку зрения: “Личность Ганнибала постоянно привлекала к себе внимание выдающихся полководцев и теоретиков военного дела. Его победы при Тразименском озере и при Каннах были объявлены образцовыми, а сам Ганнибал получил репутацию одного из величайших полководцев, каких когда-либо знала кровавая история войн. При этом упускается обычно из виду, что Ганнибал совершил ряд серьёзных стратегических ошибок, позволивших Риму после тяжких поражений восстановить свои силы и в конце концов победить” (с. 184). Однако сам заполучивший такое послесловие автор думает и пишет, скажем так, не совсем об этом.

Потому ли, что положение литератора обязывает обращать особое внимание на субъективные обстоятельства и мотивы поступков людей и не позволяет смотреть свысока даже на самую ординарную человеческую личность, или по какой другой причине, но, заботясь о целостности и психологической достоверности воссоздаваемой картины эпохи, герр Бауман выступает как раз против точки зрения, будто пробелы между отдельными сохранившимися фрагментами этой картины можно заполнить за счёт обеднения и примитивизации внутреннего мира одного из главных действующих лиц 2-ой Пунической войны. Так что, имея, с одной стороны, веские основания позволить одному из своих героев утверждать, что “никто не понимал войну лучше его”, т. е. Ганнибала, а с другой – тот несомненный факт, что Рим не просто

устоял в борьбе с Ганнибалом, но и в конце концов победил, герр Бауман склонен видеть в сосуществовании этих двух обстоятельств не дополнительную иллюстрацию убогости древних нравов, а *проблему*, которая требует изучения и выяснения и от которой не отделаться снисходительным похлопыванием Ганнибала по плечу и намёками на его стратегическую безграмотность. Потому что любые версии, строящиеся на допущении о приступах скудоумия у Ганнибала Барки, дают лишь видимость решения задачи, а на самом деле, не снимая ни одного вопроса, ставят много новых. И в качестве собственного объяснения наблюдаемого парадокса герр Бауман предлагает тезис, звучащий – в вольном русском переводе с неизвестного оригинала – примерно так: если про предводителя карфагенян нельзя сказать, будто он не ведал, что творил, и в то же время, говоря опять-таки словами героя книги, “он всё время побеждал, но война продолжалась”, то это значит, что продолжение войны входило в планы Ганнибала Барки либо, как минимум, не противоречило этим планам. А уже дальше, переходя от средств логики к средствам литературы, рисует Ганнибала человеком, который не просто “понимает войну лучше всех”, но именно любит войну, живёт ею и своей ненавистью к Риму, как говорится, дышит полной грудью только среди битв, трудов и опасностей, крови и смерти, и, дабы не потерять это ощущение полноты жизни, готов длить войну до бесконечности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.